

В заключение автор еще раз обращается к вопросу о судьбах народного искусства и художественной традиции в современном обществе, рекомендует, как создать лучшие условия для ее сохранения и развития.

В целом монография С. Б. Рождественской — существенный вклад в науку о русском народном искусстве. Собраны и введены в научный оборот новые материалы, теоретически осмысленные в разных аспектах. Прикладное искусство представлено как часть этнической истории народа. Вместе с тем написанная хорошим языком, с большой любовью к исследуемому предмету книга адресована и широкому читателю. Самой сутью своего содержания она призывает его как можно бережнее относиться к народному искусству — основе художественной культуры народа.

Приходится только пожалеть о том, что в книге мало иллюстраций: ведь в нее вошла едва ли сотая часть того, что собрано автором. При ее переиздании, которое весьма желательно, следует не только увеличить число иллюстраций, но и обязательно включить помимо деталей украшений полные изображения описываемых памятников: только они могут дать представление об общем художественном решении, будь то жилое строение или отдельный предмет.

М. М. Громыко, С. К. Жегалова

М. Я. Устинова. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М., 1980. 166 с.

В последние годы вышло в свет немало этнографических работ (монографий, сборников, статей), посвященных семейной обрядности. Особый интерес к этой теме не случаен: в обычаях и обрядах отражаются многие стороны общественной и семейной жизни, поэтому состояние обрядности в известной мере является индикатором социального и идеологического уровня населения, его нравственных норм и эстетических потребностей.

В обрядовых церемониях проявляется отношение общества к семье, его мораль. Обрядовые формы отражают этническую специфику народа, а рассмотрение их в динамике позволяет уловить течение этнических процессов, являющихся одной из важнейших проблем этнографической науки. Все это определяет глубокий научный интерес к теме обрядности.

Большое внимание, уделяемое советской общественностью созданию новых праздников и ритуалов, определяет практическую значимость темы.

Изучение современного состояния обрядности невозможно без ознакомления с ее прошлым, с ее традиционными формами, а это формирует историко-теоретический аспект исследования обрядности.

Установление закономерностей исторического развития обрядов как социального института в разных историко-экономических условиях, в разных социальных средах (сельская, городская), разных социально-профессиональных группах, на территориях со смешанным населением дает возможность прогнозировать развитие обрядности в будущем.

Решить поставленные задачи можно лишь при условии использования различных методов исследования, в том числе методов количественного анализа и картографирования, широко не применявшихся прежде при разработке данной темы.

Вышедшие работы как раз и отражают широту подходов к исследованию обрядов, многообразие задач, которые ставят перед собой авторы, разнообразие используемых методов при их решении.

Имеющийся аналитический материал по отдельным народам и вопросам уже дает возможность делать некоторые обобщения относительно функционирования и эволюции обрядов в различных исторических условиях в целом. Однако тема эта далеко не исчерпана ни в отношении этнического диапазона, ни в отношении аспектов изучения, поэтому каждая новая работа по обрядности — вклад в разработку этой большой, интересной и многоперспективной проблемы.

Рецензируемая книга посвящена рассмотрению семейных обрядов городского населения, теме, исследования по которой пока единичны¹. Городское население Латвии в данном аспекте изучается впервые, причем впервые исследуется не только современное состояние обрядности, но и традиционные обычаи и обряды латышей-горожан. По методам исследования эта работа также новаторская: в ней применен метод количественного анализа, основанного на выборочном опросе, дающем возможность выявить состояние и степень распространения обрядовых форм среди широких масс населения. Такие работы немногочисленны². Хочется, однако, сказать, что для получения наибо-

¹ См. Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус: Каракалпакстан, 1975; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М.: Наука, 1978 (Глава 3. Главные черты домашнего быта); Журнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем (по материалам городов средней полосы РСФСР). М.: Наука, 1980.

² См. Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. Работа посвящена изучению всей совокупности характеристик этноса, обряды рассматриваются в специальной главе.

лее полных сведений о традиционных обрядах — точке отсчета показателей состояния обрядности — целесообразно записывать их у знатоков местной старины. Сочетая полученные таким путем данные с результатами анализа материалов выборочных опросов, можно будет нарисовать исчерпывающую картину развития и современного состояния обрядности. В вопросник же, как представляется, следует включать не только этапные моменты церемониала, но и, казалось бы, мелочи, имеющие важное значение для характеристики этнических особенностей обряда и степени его полноты, что особенно существенно выявить в местностях активного межэтнического взаимодействия.

Автор ведет свое исследование под определенным углом зрения, через призму этнических процессов. Латышские семейные обряды рассматриваются как один из компонентов культуры этноса: закономерности функционирования и тенденции развития этого социального института исследуются в контексте этнических процессов современности.

Круг задач своего исследования автор сформулировал очень четко: 1) динамика смены в XX в. традиционных форм семейной обрядности латышей современными в разных социально-демографических слоях городского населения с учетом специфики этнической среды; 2) объем и характер информированности представителей латышского этноса, проживающих в малых городах, о традиционных семейных обрядах своего народа; основные источники распространения сведений о них; 3) отношение населения малых городов к традиционной и современной семейной обрядности; факторы, под влиянием которых формируется это отношение.

Исходя из задач исследования, его объектами было выбрано население малых городов двух сильно различавшихся между собой историко-этнографических областей Латвии — Латгале и Курземе. Они характеризовались разным этническим составом населения и этническим окружением, разной степенью развития капитализма, разными конфессиями.

Латгале (восточная часть Латвии) примыкала к этнической границе расселения восточных славян, где происходило этнокультурное взаимодействие нескольких этнических общностей — латышей, русских, белорусов, поляков и др.³ В этом районе медленнее развивался капитализм. В начале XX в. здесь преобладали малые города, мелкие предприятия (продукция которых обеспечивала лишь местный рынок), кустарное производство, мелкая торговля. Латгале характеризовалась высокой миграцией населения не только в пределах области, но и в другие районы Латвии, а до 1917 г. и в другие губернии России. Основная часть населения Латгале, по данным переписи 1935 г., находилась под влиянием католической церкви; относительно велика была и доля православных и старообрядцев.

В Курземе (западная часть Латвии) население в основном латышское, вследствие чего межэтнические контакты не были столь интенсивными. Развитие капитализма здесь началось значительно раньше и к началу XX в. находилось на более высокой стадии развития, чем в Латгале. В силу географического расположения этого региона сюда легче проникали элементы западноевропейской культуры. Население Курземе исповедовало в основном лютеранство.

В промышленном отношении города обеих областей к началу XX в. оставались мало развитыми.

Объектом непосредственного наблюдения автора стало население типичных для избранных областей городов — Лудзы в Латгалии, Кулдиги в Курземе.

При определении типичности этих городов учитывался ряд признаков: численность населения, этнический состав, занятость в определенных отраслях народного хозяйства, а также возраст городов, их административное значение.

Исследование состояния обрядов предваряет общая характеристика социально-демографического состава населения избранных городов, описывается и инструментальный анализ исследования. Анализ ведется по обрядовым циклам: отдельные главы посвящаются родильным, свадебным, погребальным обрядам. Каждая глава строится по одной и той же схеме: состояние обрядов данного цикла к началу XX в., их бытование в исследуемый период, знание их и отношение к ним населения в настоящее время.

Используя практику своих предшественников, работавших в других регионах страны, и конкретную историческую обстановку в Латвии, автор гипотетически выделяет ряд признаков, влияющих на состояние обрядности, в соответствии с ними рассматривается бытование семейных обрядов в разных социально-профессиональных группах населения малых городов Латгале и Курземе. При этом с помощью коэффициента меры взаимной информации признаков устанавливается взаимозависимость разных признаков и их влияние на бытование, знание обрядов, отношение к ним населения. Сильная сторона работы М. Я. Устиновой — ее наглядность: каждое положение автор подтверждает не только количественными показателями, сведенными в таблицы, но и большим числом схем, показывающих взаимосвязь, степень зависимости отдельных характеристик обрядности от различных социально-демографических, этнических, религиозных и других признаков. Не являясь специалистом в области конкретно-социологических исследований, я не берусь судить об этой стороне проведенной работы. Хочу взглянуть на работу М. Я. Устиновой как этнограф.

Анализ полученных количественных показателей состояния обрядности привел автора к выводам, большая часть которых характеризует общие закономерности развития и функционирования обрядового института, в частности в условиях социализма.

³ Интенсивное этнокультурное взаимодействие, сказывавшееся на обрядовой жизни населения Латгалии, засвидетельствовано и исследованием Т. С. Макашиной — Фольклор и обряды русского населения Латгалии. М.: Наука, 1979.

Однако выявлены и локальные особенности изучаемых процессов, что свидетельствует о необходимости учета конкретной исторической обстановки для понимания состояния обрядности в том или ином регионе.

Материалы о состоянии обрядности у населения малых городов Латгале и Курземе в XX в. свидетельствуют о тенденции постепенного ослабления устойчивости семейной обрядности как компонента культуры латышского этноса. Эта тенденция наблюдается и в других регионах страны. Как и там, в Латгале и Курземе она проявляется в сокращении всех циклов традиционных семейных обрядов как на уровне знания, так и на уровне бытования.

Положение автора о том, что тенденция развития и функционирования семейной обрядности в обследованных городах в целом проявляется в тесной связи с динамическими изменениями основных социально-демографических признаков — возраст, образование и социальное положение, применимо и для других регионов страны. Для обрядового института в целом характерно отмеченное автором влияние этнической среды и официальной религии на состояние обрядности: этнически однородная среда способствует сохранению традиционных элементов культуры, а более фанатичная религия, в данном случае католицизм, способствует более длительному бытованию религиозного обряда и в известной мере сохранению традиционных элементов семейных ритуалов. Так, среди этнически однородного населения Курземе отмечена большая устойчивость традиционных форм обрядности, особенно на уровне знания, несмотря на то что здесь в прошлом более, чем в этнически пестрой Латгале, был развит капитализм, способствовавший изживанию традиционной культуры. Среди же католического в прошлом населения Латгале даже в 1970-х годах фиксируется значительно большая устойчивость религиозного обряда, чем у населения Курземе, исповедовавшего раньше лютеранство.

Все исследование М. Я. Устиновой свидетельствует о том, что обрядность весьма чувствительна к изменениям конкретной исторической и социально-экономической обстановки, в которой она развивается.

Анализируя основные источники распространения сведений о традиционных формах обрядности, автор приходит к мнению, что влияние села в современных условиях утратило свое консервирующее значение. По мнению автора, влияние сельской информации на сохранение устойчивости семейной обрядности играет второстепенную роль и по силе своего воздействия значительно уступает основным социально-демографическим признакам. Судя по цифровым показателям, в указанных городах дело обстоит именно так. Однако этот вывод, видимо, имеет частный характер и предопределен, несомненно, конкретными условиями исторического и социально-экономического развития Латгале и Курземе. Исследования в других регионах, например среди русского населения малых и средних городов средней полосы России⁴, убедительно свидетельствуют, что питательной средой, пополняющей городскую обрядность традиционными народными элементами, является пришлое из сельской местности население. Даже визуальные наблюдения в Москве в настоящее время подтверждают это положение. Конечно, поток информации из сельской местности уже не может преодолеть генеральную тенденцию трансформации и изживания традиционных элементов обрядности, тем более что эта тенденция отмечается и в развитии обрядности самого сельского населения, но все-таки влияние сельских традиций ощущается еще достаточно сильно. Кстати, и показатели по городам Лудзе и Кулдиге говорят о не утраченном еще, хотя и слабом, влиянии сельской среды на сохранение традиционных элементов в городской обрядности. В таблице на с. 83 выясняется зависимость знания традиционных родильных обрядов от того, откуда прибыл респондент. Анализ этой таблицы отчетливо свидетельствует, что прибывшие из села знают их лучше, чем прибывшие из других городов. Свадьбу с традиционными элементами приехавшие из села справляли чаще (с. 122). Слабое влияние сельской информации в Лудзе и Кулдиге, возможно, объясняется малым притоком населения из сельской местности в названные города. Таблица, отражающая динамику численности населения в Кулдиге и Лудзе, говорит о небольшом приросте населения, особенно в прошлом (с. 19). Очевидно, были еще какие-то причины, ослабившие влияние сельской традиции на обрядность населения указанных городов, но автор их не раскрывает.

При знакомстве с работой М. Я. Устиновой обращает на себя внимание положение о неравномерности развития разных циклов семейной обрядности при значительно большей устойчивости свадебной обрядности (с. 127). «Свадебная обрядность, — пишет автор, — в отличие от родильной продолжает оставаться весьма специфической частью жизни латышского этноса» (с. 138). И далее: «...в характере свадебных обычаев и обрядов наблюдаются и некоторые отличия от характера развития родильных и погребальных ритуалов, кроющиеся в воздействии основных социально-демографических признаков» (с. 164). По мнению М. Я. Устиновой, на родильных и погребальных обрядах наиболее сильно сказалось улучшение условий быта и культуры населения в обоих обследованных городах (с. 162).

Приведенные положения автора требуют внимательного рассмотрения. Мне представляется бесспорным, что свадебный церемониал до сих пор сохраняет этноспецифические черты в ряде своих разновидностей, бытовавших (за исключением современного национального обряда) с разной долей преобладания в течение всего XX в. среди населения обследованных городов. Это подтверждается цифровыми данными о бытовании различных вариантов свадеб, приведенными автором на с. 109. Так, полный традиционный обряд с венчанием в церкви справляло 18,3% населения Лудзы и 16,3%

⁴ Жирнова Г. В. Указ. раб.

Кулдиги. Вечеринку с элементами традиционного ритуала в Лудзе устраивало 40,1% населения, а в Кулдиге — 27,5%. Современным свадебным ритуалом были отмечены 22,2% свадеб в Лудзе и 31,9% — в Кулдиге. Совокупность свадеб с этноспецифическими элементами составляет 80,6% для Лудзы и 75,7% для Кулдиги. (Кстати, суммарные данные о бытовании различных видов свадеб в течение всего XX в., на мой взгляд, недостаточны, так как не дают наглядной картины эволюции обряда по отдельным историческим периодам.) Однако положение, что свадебный обряд развивался несколько иначе, чем родинный и погребальный обряды, вызывает желание разобраться в этом вопросе.

Действительно, некоторые отличия в развитии различных циклов семейной обрядности латышей обеих этнографических областей (как, впрочем, и других народов) имеют место. Например, традиционные элементы в погребальном обряде, по данным автора, уже в начале XX в. сохранились слабее, чем в родинном и свадебном циклах (с. 144). Зато религиозный ритуал, к XX в. составляющий неотъемлемую часть традиционной обрядности у всех народов, в обоих городах удерживался в родинном и особенно в погребальном церемониале более стойко, чем в свадебном, о чем свидетельствуют данные автора даже на период с 1960 по 1971 г. (см. с. 67, 117, 146), сведенные нами в таблицу.

Соотношение гражданских и религиозных ритуалов в родинном, погребальном и свадебном циклах (в %)

Город	Родинные обряды, %		Погребальные обряды, %		Свадебные обряды, %	
	только религиозные	религиозные и гражданские	только религиозные	религиозные и гражданские	только религиозные	религиозные и гражданские
Лудза	9,1	25,8	39,2	17,2	—	12
Кулдига	—	1,8	29,1	8,0	—	6,9

Но говоря о некоторых различиях в развитии этих циклов обрядности, автор имеет в виду другое: увеличение этноспецифических черт в свадебном обряде с 60-х годов текущего столетия в связи с возрождением элементов традиционной свадьбы на качественно новом уровне, в составе современного свадебного ритуала, воспринимаемого населением как национальная свадьба (с. 130).

Автор утверждает: «...для обоих выбранных регионов прослеживается характерная тенденция постепенного уменьшения традиционных черт свадебной обрядности до 60-х годов нашего века»; естественный процесс стирания традиционных черт в семейной обрядности, по ее мнению, продолжался частично и в Советской Латвии. Как считает автор, этот период можно подразделить на два существенно отличающихся друг от друга этапа: 1) время от восстановления Советской власти в Латвии до конца 50-х годов, когда преобладающей формой свадьбы стала просто вечеринка (40,7% в Кулдиге и 30,1% в Лудзе) или вечеринка с некоторыми элементами традиционного обряда (34,6% в Кулдиге и 32,9% в Лудзе); 2) время с 60-х годов до наших дней (с. 110, 111), когда возрождается интерес к традиционным элементам свадебного ритуала.

Как известно, последний период в масштабах всего государства характеризуется сознательным вмешательством общественности в ход развития обрядовых форм. Это период интенсивной борьбы за формирование новой безрелигиозной обрядности. В это время создавались официальные торжественные гражданские ритуалы: регистрация брака, регистрация новорожденного, гражданский погребальный ритуал, ставшие центральными в системе обрядов, связанных с тем или иным семейным событием. Разрабатывались также рекомендации для проведения их неофициальной части, в которую включались элементы традиционных обрядов, утратившие прежний смысл, но сохранившие красочность, эмоциональность. Таким образом, с 60-х годов всем циклам семейной обрядности было дано одинаковое направление развития.

Традиционный свадебный обряд, в прошлом очень разветвленный, многоэтапный, с множеством разнообразных действий, к началу XX в. в основном утративших былую религиозно-магическую значимость, предоставлял больше материала для отбора традиционных элементов с целью возрождения их в новом обряде. Результатом работы над свадебным церемониалом явился новый обряд, ядром которого стал торжественный акт гражданского бракосочетания, сопровождавшийся рядом трансформированных действий, заимствованных из традиционной свадьбы и вошедших в фонд современной национальной культуры. Однако эти этнически окрашенные обрядовые элементы современной свадьбы (регенерированные, по терминологии К. В. Чистова⁵) явились результатом другого уровня развития и представляют собой другой уровень культуры в сравнении с прошлым. Кстати, интересно проследить их судьбу в последующие годы, выявить, насколько они укрепились в новом обряде, не подверглись ли он в процессе вживания в быт изменениям. По материалам Эстонии известно, например, что не все элементы традиционной свадьбы, включенные в новый обряд, в последующей его жизни были одинаково восприняты современным населением: одни

⁵ Чистов К. В. Традиционные и «вторичные» формы культуры. — В кн.: Расы и народы. Ежегодник. Т. 5. М.: Наука, 1975, с. 37.

получили неожиданную и не всегда желательную популярность, а другие не прижились⁶.

Что касается родильных и погребальных обрядов, то их традиционные циклы беднее действиями и поэтому возможностей для восстановления традиционных элементов в новом церемониале меньше. Но представляется, что не все они использованы в процессе создания нового обряда, например такой элемент, как ритуальная пища, которая, кстати сказать, имела этническую окраску. Эти циклы семейной обрядности тоже способны сохранять в своем составе отдельные черты традиционного обряда. Ведь сохранился же в новом церемониале наречения имени институт кумовьев (с. 65), выполняющий теперь другие функции. Из сказанного следует, что отсутствие этнически показательных черт в этих церемониалах отражает в значительной мере уровень работы над ними. В связи с этим к выводу автора об ином развитии свадебного обряда в сравнении с родильными и погребальными обрядами возникает двойное отношение: с одной стороны, М. Я. Устинова права (действительно, новый свадебный обряд несет этническую окраску), с другой — нет, поскольку разница эта создана искусственно.

Как говорилось, для уяснения состояния и тенденций развития обрядности производится ее трехмерное измерение (по бытованию, знанию и отношению к обряду). В связи с этим возникает вопрос о правомерности включения в число знающих традиционную свадьбу представителей среднего и молодого поколений г. Кулдиги, поскольку их знание ограничивается, видимо, знакомством с теми элементами свадьбы, которые вошли в современный свадебный церемониал, коль скоро оно определено, как говорит автор, степенью внедрения в быт в этом городе новой гражданской обрядности, хорошо поставленной работой по созданию новых обрядов — с. 138. (Здесь уместно напомнить, что обобщение показателей разных уровней может в какой-то степени исказить картину развития того или иного явления.) Это достаточно серьезный вопрос, так как высокий показатель знания свадебного обряда в г. Кулдиге дает основание автору для вывода о роли однородной этнической среды в сохранении связей с традиционной культурой, поскольку область Курземе характеризуется в основном моноэтническим населением.

Автор высказывает точку зрения, что традиционные родильные и погребальные обряды наиболее сильно испытали влияние «улучшения условий быта и культуры населения в обоих обследованных городах» (с. 162). Конечно, многое, несовместимое с нашим мировоззрением, представлениями о бытовой культуре ушло в прошлое, но ведь это те циклы, в которых до сих пор не изжит религиозный обряд. Особенно это касается погребального церемониала среди католического населения г. Лудзы. Здесь, мне кажется, при оценке эволюции обряда надо учитывать ход развития семейной обрядности в городских условиях в целом. Этнографами отмечено, что еще в дореволюционное время традиционные народные обряды в городских условиях постепенно изживались (правда, в разной степени) во всех социальных слоях населения и на первое место выдвигался церковный обряд. Высший слой общества того времени (дворянство) придерживался уже только церковного обряда при соблюдении семейных ритуалов⁷. Поэтому отношение населения к религиозному акту — весьма важный показатель при оценке уровня развития обряда. В этой связи следует заметить, что вопрос о соотношении традиционно-бытовых и церковно-религиозных элементов в семейной обрядности, их роли в разных социальных средах в разные исторические периоды, поставленный в упомянутом труде М. Г. Рабиновича и затронутый мимоходом другими исследователями, ждет углубленного исследования. В работе М. Я. Устиновой есть много интересных материалов для размышления на эту тему, особенно учитывая такой ее нюанс, как совмещение понятий национального и конфессионального в сознании некоторой части населения. У белорусов Латгалии, например, это проявляется очень ярко⁸.

Возвращаясь к оценке автором современных родильных и погребальных обрядов, хочется обратить внимание и на то, что новый ритуал наречения имени, судя по отсутствию его описания в книге, видимо, не имеет устоявшихся форм. В то же время в свадебном обряде, где практически изжито венчание, сформировался новый церемониал, впитавший трансформированные элементы народной культуры и, таким образом, сохранивший этноспецифические черты. Он продолжает оставаться показателем культуры этноса. Мне кажется, именно свадебный обряд испытал наиболее благотворное влияние современной культуры, быта, марксистской идеологии. Для решения вопроса о соотношении этноспецифического, национального и религиозного в наших социальных условиях свадебный обряд очень показателен: религиозное изживается, этноспецифическое на новом уровне входит в современную национальную культуру.

В заключение замечу, что все мои возражения достаточно дискуссионны и насколько не снижают достоинств очень серьезной и полезной для исследователей и практических работников книги. Следует отметить большой интерес рецензируемой книги и для широкого круга читателей, поскольку на русском языке латышские семейные обряды описывались мало.

Н. П. Лобачева

⁶ См. Калитс В. Я. О развитии новых свадебных традиций в Эстонской ССР. — В кн.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М.: Наука, 1981, с. 110, 111.

⁷ См. Жирнова Г. В. Указ. раб.

⁸ См. Григорьева Р. А. Традиционный свадебный обряд в современном быту белорусов. — Сов. этнография, 1981, № 3.